

Везде, где в книге упоминались размышления и впечатления киноимператора о своих ролях, Шэнь Юньфань оставлял свои заметки и понимание персонажей. Его записи были настолько подробными, что это вызвало у Гу Яня искреннее удивление. Он всегда считал Шэнь Юньфана человеком легкомысленным, талантливым и увлечённым актёрским мастерством, но никогда не предполагал, что в своём внутреннем мире тот может быть настолько скрупулёзным и серьёзным. Гу Янь отложил книгу и взял несколько дисков. По потёртостям на поверхности было видно, что Шэнь Юньфань пересматривал их бесчисленное количество раз. Из самого дальнего угла он достал пожелтевший блокнот и, немного подумав, открыл его.

На каждой странице аккуратно записаны годы выпуска фильмов, опыт актёров и заслуги режиссёров. Если большинство смотрит кино ради развлечения, то Шэнь Юньфань тщательно анализировал каждую деталь: сюжет, выбор локаций, актёрскую игру, режиссёрские приёмы. Многие профессиональные термины были для Гу Яня непонятны, но сквозь эти страницы он увидел, насколько серьёзно и преданно Шэнь Юньфань относится к своей работе.

В этот момент Гу Янь начал пересматривать своё мнение о том, кто внешне казался беспечным. Теперь он лучше понимал, как жил Шэнь Юньфань последние годы. Сегодняшний случай лишь усилил его любопытство. Что же творится в голове у этого странного человека?

Открыв дверь, Гу Янь увидел, как Шэнь Юньфань спит в самой расслабленной позе, и не смог сдержать улыбки. Когда он серьёзен, то кажется обычным человеком, а когда расслаблен — становится совершенно непредсказуемым. Хорошо ли он выбрал его тогда? Гу Янь подошёл и аккуратно накрыл его пледом, а сам сел у окна, погружившись в размышления.

Если бы Е Хань был жив, он бы тоже жил с такой же искренностью и усердием, излучая свет и радость. Но всё оборвалось в ту ночь, под колёсами машины. С годами боль и сожаление постепенно утихли, оставив лишь глубокую тоску. Иногда Гу Янь привыкал к этой тоске, словно забыть её означало бы предать память Е Ханя. Он словно приковал себя к кресту, мучаясь, но не находя сил освободиться.

Глядя на отражение Шэнь Юньфана в окне, Гу Янь почувствовал смятение. Чем больше времени они проводили вместе, тем больше он замечал, что относится к Шэнь Юньфаню по-особенному. Это вызывало в нём противоречивые чувства. Он боялся забыть Е Ханя, но в то же время жаждал обрести покой. Шэнь Юньфань стал для него неожиданностью, в нём было столько воспоминаний и представлений о Е Хане, но при этом он был совершенно другим. Е Хань был открытым, но сдержанным, а Шэнь Юньфань — свободным и немного безумным. Однако, прежде чем Гу Янь успел разобраться в своих чувствах, его размышления прервались. Видимо, сегодня с Чжао Манем он перебрал, потому что Шэнь Юньфань, лежа на диване, вёл себя крайне беспокойно. Гу Янь наблюдал, как тот вдруг сел, схватил вазу и, словно это был бокал, закричал:

— Чжао Мань, ты, сволочь, украл вино из моего бокала! На казнь его!

Гу Янь почувствовал, как у него на лбу набухла вена. Он толкнул Шэнь Юньфана обратно на диван и сквозь зубы прошипел:

— Шэнь Юньфань, ты молодец, посмотрим, как я с тобой завтра разберусь!

Шэнь Юньфань, обнимая вазу, продолжал смеяться с закрытыми глазами:

— Брат, давай ещё выпьем!

Гу Янь глубоко вздохнул, успокоил себя и отправился в комнату Шэнь Юньфана спать. Он явно

ошибался, считая этого человека нормальным!

В отличие от Гу Яня, который провёл ночь без сна, Шэнь Юньфань спал сладко и крепко. Утром, проснувшись с головной болью, он едва вспомнил, что произошло накануне. С вздохом он поднялся с дивана и постучал в дверь своей комнаты:

— Босс, вставай!

Однако ответа не последовало. Открыв дверь, он увидел, что кровать аккуратно заправлена, и в голове тут же зародилось любопытство: что же случилось с боссом вчера? Посмотрев на часы, он понял, что времени ещё много, и, поскольку утром у него не было занятий, решил проявить профессиональную ответственность и отправиться в дом Гу, чтобы напомнить о себе. Помимо до сих пор не появившейся первой любви, Шэнь Юньфань считал, что с остальными задачами он справляется неплохо. Осталось лишь продолжать в том же духе и поскорее вырваться из этой передряги.

С головной болью после вчерашнего он привёл себя в порядок и отправился в дом Гу. Гу Сяоань встретил его с привычным энтузиазмом, и оба они начали так мило общаться у входа, что казалось, будто они говорят о чём-то невероятно важном. Госпожа Гу, стоя на лестнице, смотрела на них с лёгким недовольством и, повернувшись к дворецкому Ма, спросила:

— Они всегда так?

Дворецкий Ма сдержал смех:

— Бывают и более трогательные моменты.

Его слова были ясны: это ещё ничего, вы просто не видели настоящего!

Чэнь Лань молчала некоторое время, прежде чем наконец произнесла:

— Вчера Гу Янь был у этого парня?

Дворецкий Ма кивнул:

— Сегодня утром молодой хозяин велел отнести его вещи к Шэнь Юньфаню. Видимо, он остался у него на ночь.

Чэнь Лань была удивлена таким неожиданным поступком сына. Она знала его достаточно хорошо: Гу Янь был человеком с определёнными принципами в отношениях и невероятно дисциплинированным в быту. С тех пор как он открылся семье о своих особенностях, она всегда волновалась, что он может связаться с кем-то неподходящим, ведь в их кругу слишком много легкомысленных людей. Но за все эти годы, кроме погибшего Е Ханя, Шэнь Юньфань стал вторым, кто заставил её сына поступить так. Чэнь Лань, глядя на Шэнь Юньфана, который обнимал Гу Сяоаня и глупо улыбался, задумалась. Видимо, информация, которую она получила, была неполной. На этот раз её сын, похоже, не шутит!

Устроив Гу Сяоаня за стол, Шэнь Юньфань обернулся и увидел, как госпожа Гу смотрит на него с каким-то сложным, невысказанным выражением. Он недоумевал: что за настроение сегодня у этой дамы? Трагическая драма? С таким жанром он не слишком ладит... Шэнь Юньфань слегка забеспокоился.

— Ты завтракал? — Чэнь Лань налила своему внуку сок и, увидев, что Шэнь Юньфань всё ещё

стоит, указала на место рядом с собой. — Если нет, садись завтракать с нами.

Шэнь Юньфань был приятно удивлён. Неужели на небе появились красные дожди? Сегодня госпожа Гу была необычайно доброжелательной, что было странно...

Однако негоже стоять, когда старшие приглашают к столу. Шэнь Юньфань поблагодарил и с аппетитом принялся за еду. Гу Сяоань, как всегда, когда был рядом с ним, начинал капризничать, и Шэнь Юньфань, привыкший баловать его, кормил его, пока сам ел. Когда Гу Сяоань открыл рот, Шэнь Юньфань уже привычно приготовился его накормить, но дворецкий Ма, стоявший рядом, не выдержал и тихо напомнил:

— Если молодой хозяин узнает...

Шэнь Юньфань замолчал. Да, слишком баловать его — значит рисковать зарплатой...

И это при том, что он, как добросовестный сотрудник, перевыполняет свои обязанности! Шэнь Юньфань похлопал Гу Сяоаня по голове: в следующий раз будем кормить тайком!

Чэнь Лань, наблюдая за этой сценой, не проронила ни слова, даже когда Шэнь Юньфань предложил отвезти Гу Сяоаня в школу. Выйдя из дома, Шэнь Юньфань пробормотал:

— Странно, обычно это привилегия Чжань Вэня. Я только однажды утром, в порыве энтузиазма, взял это на себя.

Он тихо остановил дворецкого Ма, который провожал его:

— Где Чжань Вэнь? Почему я его сегодня утром не видел?

Дворецкий Ма, будучи на его стороне, тут же поделился информацией:

— Вчера вечером господин Чжань, похоже, поссорился с молодым хозяином и ушёл рано утром.

Шэнь Юньфань задумался. Неужели он действительно попытался навязать себя, и теперь Гу Янь разозлён? Значит, его чуть ли не изнасиловали?! Воображение Шэнь Юньфана тут же разыгралось. Гу Сяоань потянул его за руку:

— Фаньфань, перестань смеяться, это слишком неприлично!

<http://bllate.org/book/14964/1420533>